

ДРАМАТУРГ — ТЕАТР — ЗРИТЕЛЬ

В афишах Рижского государственного театра русской драмы вновь появилось манящее слово — «премьера». В театре готовятся две новых постановки. О них, о проблемах театрального репертуара и современной драматургии делится своими мыслями с нашими читателями главный режиссер театра народный артист Латвийской ССР **АРКАДИЙ ФРИДРИХОВИЧ КАЦ**.

— Каждый новый сезон театра неразрывно связан с предыдущим. И дело не только в том, что мы, как правило, заканчиваем сезон премьерой нового спектакля, а следующую им же открываем. Причины здесь более глубокие, более сложные, скажем так — специфические. У театра нет и не может быть пауз. Он вечен. И в этом все дело.

Две новые работы — спектакли «Тринадцатый председатель» и «Дни портных в Силмачах» — завершили наш прошлый сезон, они же открыли нынешний. Театр вновь обратился к пьесе В. Васильева «А зори здесь тихие...», уже ставившейся на нашей сцене. И хотя, что вполне естественно и закономерно, идея постановки, высокое гражданственное звучание темы пьесы остались прежними, для нас это, по сути, новая работа. В спектакле много новых исполнителей. В чем-то изменен сценический рисунок отдельных ролей, несколько иначе прочли мы некоторые, ранее казавшиеся нам эпизодическими, образы пьесы.

Необходимость возвращения труппы к этой пьесе и правильность этого шага подтвердили и наши гастроли. «А зори здесь тихие...» и «Дни портных в Силмачах» мы показывали днепропетровцам. Повезли их и в Болгарию. И везде нам сопутствовал успех.

Время движется вперед. Не можем останавливаться и мы, живя сделанным вчера. Сейчас мы работаем сразу над тремя постановками. Репертуар пока обещает две премьеры, третью мы посвящаем предстоящему съезду партии.

В начале декабря зрители увидят спектакль «Реквием по Монахине». В его афише их ждет неожиданность — имена авторов пьесы. Дело в том, что «Реквием по Монахине», — собственно, роман Фолкнера. Камю попробовал «перевести» его на язык драматургии. Это не просто инсценировка романа. «Перевод» здесь самое точное слово. Фолкнер и Камю очень далеки друг от друга и в части стиля, если вообще можно сопоставлять стиль авторов, пишущих один — на английском, а второй — на французском языке, и в части художественного метода. Вообще, это писатели, чье творчество формально не соединяется. Фолкнер сложен для чтения. И потому Камю, безусловно, упростил какие-то сюжетные линии, что-то обрубил вообще. Он искал

именно сценический вариант романа.

КАМЕРТОН

ОБОЗРЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Пьеса трудная. Трудная для постановки и для актеров. Но мы надеемся, что зрители поймут авторов, поймут нас. Мы бы этого хотели.

Последнее время драматурги вспомнили о людях, так сказать, пенсионного возраста. И почему то так случилось, что пишут о них именно молодые драматурги, к которым относится и Ленинградец А. Галин. Его пьесе «Ретро» ставит наш театр. Она будет сыграна на сцене в конце декабря. Это наш новогодний подарок зрителям. В пьесе — много героев. Она грустная и веселая. Словом, современная комедия, которая не только веселит зрителей, но и заставляет думать, думать не об одном радостном — о печальном тоже. Тем более, что возраст героев пьесы либо уже наступил для кого-то из нас, либо наступит.

Третья постановка, над которой мы работаем и которую хотим посвятить XXVI съезду партии, по пьесе известного кинодраматурга В. Мережко. По его сценариям были поставлены фильмы, ставшие событиями в советском кинематографе. Пьеса «Пролетарская мельница счастья» возникла тоже из сценария. Правда, фильм не был снят, а пьеса пошла. Автор предвидел свое произведение словами «героическая комедия». Жанр, в общем то, не часто встречающийся на театральной сцене. Поэтому мы ищем все, начиная от формы спектакля. Пьеса написана так, что при постановке предполагает возможность пластического решения отдельных образов. Но здесь у нас уже есть опыт. Отсюда прямая связь с такими нашими спектаклями, как «Вестсайдская история», «Темп-1929», «История лошади». Но отсюда и обратная связь — от этих спектаклей к «Мельнице».

У каждого театра есть свои авторы, то есть те авторы, чья драматургия позволяет труппе реализовывать свои творческие замыслы,

свои представления о том, каким должен быть театр, и чему он призван. Для меня таким автором всегда был Чехов. В нашем театре идем Островский, Толстой, Достоевский. Но когда мы часто обращаемся к классике, это не следует воспринимать как то, что современная драматургия нам не близка, в чем-то нас не устраивает. Три наших будущих работы основаны на современной драматургии в чистом виде. Да, собственно, всегда в нашем репертуаре современные авторы занимают большое место. Когда меня, например, спрашивают, каких пьес мы ждем, я, как правило, отвечаю односложно — хороших. Все дело в том, что ни театр не может диттовать драматургу, ни драматург — театру. Либо их творческие позиции смыкаются, либо идут параллельно, либо расходятся. В этом все дело.

Современные пьесы нередко бывают камерными по своему характеру. И в чем-то это закономерно. Наше сегодняшнее обостренное внимание к человеку, к человеку вообще и к вполне конкретному, нередко внешне обычному, не наделенному какими-то особыми, выпуклыми чертами, вызывает к жизни именно камерные формы. Но такая драматургия, в чем мы убеждаемся прежде всего, работая над ней, нуждается помимо большой и в малой сцене, малом зале. Наверное, поэтому и возникает сейчас так много театров в фойе, которые поначалу воспринимались и нами и зрителями всего лишь как способ дать шанс актеру и режиссеру выявить свои еще не реализованные возможности, поэкспериментировать над тем, что когда-нибудь выйдет на большую сцену. Но сейчас, когда у нас уже накопился определенный опыт постановки такого рода, мы понимаем, как заблуждались. Театр в фойе — это колоссальная ответственность перед зрителем. Это не проходной момент для каждого из нас. И, уверен, — нигде наши актеры не играли с такой полной самоотдачей, как в театре в фойе. Такие постановки — большое испытание и для зрителя. Хочет он того или нет, но он трудится вместе с актером. Потому что близость к актеру, отсутствие раппы, разделяющей их, создает особые, ни с чем не сравнимые контакты между ними. Я лично считаю, что признание театра — активизировать зрителя. И в этом смысле театр в фойе — одна из интереснейших форм такой активизации.

Но, впрочем, эта тема специального разговора, в котором, на мой взгляд, обязательно должны участвовать все те, без кого истинный театр невозможен: драматург, сам театр и зритель.